

ОТКРЫТИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ КОЛОННЫ В ПЕТЕРБУРГЕ: ПРОДУМАННЫЙ СЦЕНАРИЙ И НЕОЖИДАННЫЙ ЭФФЕКТ

ТИМУР ГУЗАИРОВ

4 декабря 1825 г., через две недели после кончины Александра I, министр внутренних дел В. С. Ланской внес в Сенат предложение о подписке на сооружение памятника почившему императору. Междуцарствие и последовавшие затем драматические события отодвинули сроки исполнения этого проекта. Однако в течение первых месяцев николаевского правления выявились все характерные элементы, из которых будут затем состоять торжества по случаю открытия Александровской колонны 30 августа 1834 г. После того, как в марте 1826 г. тело покойного Александра I было доставлено в Петербург и торжественно похоронено в Петропавловском соборе, 19 марта был организован большой парад гвардии в память о вступлении русских войск в Париж. 22 августа в Москве Николай короновался на престол (менее чем за месяц до этого, рано утром 13 июля 1826 г., были казнены пять декабристов, а на Сенатской площади состоялся очистительный молебен). Еще до коронации, 15 и 16 августа, император участвовал в крупных маневрах московских войск. Как подчеркивает Р. Уортман, военные смотры, ставшие отныне неизменной частью коронационных торжеств, «приняли характер церемониального выражения преданности армии императорской фамилии» [Уортман: 374].

Итак, идеализация Александра I, воспоминания об Отечественной войне и славном заграничном походе, подтверждение легитимной преемственности власти Николаем от Александра, символическое продолжение и завершение имперского строительства — все эти идеологемы были воплощены в тща-

тельно продуманных формах в ходе праздничной церемонии на Дворцовой площади по случаю открытия Александровской колонны¹.

Подготовительные работы начались в 1829 г., когда была закончена русско-турецкая война, вторая победоносная кампания Николая I. Именно теперь, несмотря на постоянную оглядку в сторону великого князя Константина Павловича², новый император приобретал столь ему необходимую уверенность в собственной власти. В том же году от имени царя был объявлен конкурс проектов по созданию монумента Александру I. Работы были поручены Огюсту Монферрану, хотя его первый проект — конная статуя Александра в виде римского воина с мечом и щитом — был отвергнут. Также не получила поддержку его инициатива по перенесению Медного всадника на площадь за строившимся Исаакиевском собором (см.: [Никитин]). По-видимому, задуманная Монферраном пространственно-идеологическая параллель между памятниками Петру I и Александру I должна была визуальнo оформить представление о завершении строительства империи, о начале ее «золотого» века в царствование Николая I. Возможно, что такое композиционное решение Монферрана было отвергнуто потому, что могло бы привнести непредсказуемый «сюжетный» поворот: началу николаевского правления, связанному с событиями 14 декабря около памятника Петру I, противопоставались бы торжества по случаю открытия монумента Александру I.

¹ Само торжество по случаю открытия Александровской колонны неоднократно становилось объектом научного внимания (см., напр.: [Осват; Проскурин; Уортман; Киселева; Мильчина]).

² Князь П. В. Долгоруков, со ссылкой на Блудова, констатировал: «Николай Павлович при жизни Константина не считал себя настоящим государем, а лишь, как бы сказать, наместником законного царя Константина; <...> на совет Кочубея утвердить составленные “Комитетом 6 декабря” проекты Николай отвечал: “Как же я могу сделать это без согласия брата Константина Павловича? Ведь настоящий-то, законный царь — он; а я только, по его воле, сижу на его месте”» (цит. по: [Высочков: 137]).

24 сентября 1829 г. был утвержден окончательный проект возведения колонны. 30 августа 1832 г. кусок гранитной глыбы, доставленной из Финляндии, был установлен на Дворцовой площади. Обращение к пространным воспоминаниям Монферрана позволяет реконструировать один из возможных (очевидно, ожидаемых) смыслов события — успешное преодоления трудностей на пути строительства и утверждения империи:

<...> в течение ста минут, пока длилась установка монолита, **все с ужасом опасались самой ужасной катастрофы** <здесь и далее выделено нами. — Т. Г.>. <...> и почувствовали **облегчение**, лишь завидев на верхушке лесов **государственный флаг**, оповестивший весь город о том, что монолит стоит на пьедестале (цит. по: [Таракановский: 218]).

Трудно описать внезапный переход от мучительной тревоги к чувству удовлетворения, какое испытал каждый, когда колонна была установлена и когда **всякая мысль об опасности отпала**. Бурные крики «Ура!!!» неслись со всех концов площади, энтузиазм достиг предела (цит. по: [Ротач: 38]).

В описании архитектора возникают неожиданные коннотации с событиями восшествия на престол Николая I (ср. со свидетельствами о первом дне правления, которые пронизаны мотивами долго тянувшегося времени, ожидания ужасной катастрофы, ее благополучного разрешения, смены настроения).

С помощью политических метафор из различных событий был создан единый историко-символический ряд. В результате был сконструирован особый образ николаевской власти: оказавшейся на грани катастрофы, преодолевшей все препятствия, твердо установленной и гордо устремившейся в небо. «Колосс чудесно восстает» [Поднебесный] — это констатация факта возведения колонны, но также «нового», с риторической точки зрения, установления/утверждения императорской власти. Именно к такой трактовке открытия колонны в 1834 г. подготавливал себя не присутствовавший при возведении монолита В. А. Жуковский, автор будущей программной статьи «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года».

В начале 1833 г. в швейцарских Альпах Жуковский записал в дневнике:

Теперь 4-е января, день ясный и теплый; солнце светит с прекрасного голубого неба <...>. Наконец и для человеческого рода период всеобщих бурных переворотов дошел до своего предела, <...> **началась новая, высшая жизнь**. Конечно, еще увидим много потрясений; но посреди их шума голос мира и порядка более и более становится внятн [Жуковский: XIII, 345–346].

Поэт преисполнен оптимизма, веры в начало нового, светлого периода в истории цивилизации: после войн и революционного хаоса 1830 г. хотелось увидеть наступление мира и благоденствия. 9 января он начал переводить стихотворение Шиллера “Das eleusische Fest”.

Вс. Чехихин отметил: «Некоторые строфы баллады переведены так, что и прозаический перевод не мог быть точнее. <...> Отступая от подлинника, Жуковский изобретает образы, подлиннику равносильные» [Чехихин: 165]. Исследователь не заметил или не придавал значения одному оригинальному и, по нашему мнению, важному образу в переводе Жуковского:

И, сияя, низлетают
Оры легкие с небес
И в **колонну** округляют
Суковатый ствол древес [Жуковский 1959–1960: II, 227].

Ср. у Шиллера:

Und die leichtgeschürzten Stunden
Fliegen ans Geschäft gewandt,
Und die rauchen Stämme runden
Zierlich sich in ihrer Hand [Schiller: 780].

Ср. подстрочный перевод:

И легковооруженные времена
Летят, к делу стремящиеся,
И шероховатые стволы закругляются
Грациозно в их руке.

Появившийся в переводе Жуковского образ «колонны», как нам представляется, неслучаен и, возможно, напоминает об Александровской колонне. Именно в год ее открытия (1834) в журнале «Новоселье» была напечатана баллада Жуковского «Элевзинский праздник». Созданный в балладе идеальный мир как бы превращался в «реальность» — в ту ожидаемую поэтом прекрасную эпоху, символом которой станет Александровская колонна.

Описывая торжество в 1834 г., Жуковский подчеркнул особое участие в нем Промысла — природные явления приобрели у него символическую трактовку:

Все соединилось, чтобы дать сему торжеству значительность глубокую. День накануне был утомительно душен; <...> небо задернулось громовыми тучами <...> запылала гроза <...> молнии за молниями <...> неволью испуганная мысль переносилась к тем временам нашествия вражеского, когда губительная гроза поднялась над Россиею, над нею разразилась и быстро исчезла, оставляя ей славу и мир. Было что-то похожее на незыблемость Промысла в этой колонне <...> как тайная воля спасающего Бога <...> [Жуковский 1902: X, 29].

Когда на следующий день небо прояснилось и выглянуло солнце, все увидели в этом знак Божьего благословения. Однако пасмурная погода неожиданным образом воскресила в памяти совсем иные события. Бенкендорф вспоминал о дне открытия Александровской колонны: «В день 30-го августа <...> небо застилали тучи, мрачные, как был мрачен 1812 год, предшествовавший прославлению Александра, и **события, последовавшие по его кончине**» [Бенкендорф: 554]. Бунт 14 декабря лежал в подтексте праздника 30 августа 1834 г. Как и Бенкендорф, Жуковский мог почувствовать тонкую взаимосвязь между этими совершенно разными событиями.

Вернемся на полтора года назад. Работа над «Элевзинским праздником» была закончена поэтом 17/29 января 1833 г. В следующие дни стояла облачная, пасмурная погода. 21 января, в субботу, была буря. Во вторник погода улучшилась, а в среду стояли, по словам Жуковского, «прелестный день и еще более прелестная ночь. Сияние луны. **Тишина** гор и их

отражение в озере. Тишина и шум ручья. Яркие звезды в голубом паре. Светлая звезда в озере. Чудесный цвет западных облаков и контраст их блеска с синевой потемневших гор. Начал Галлера. Absolutismus» [Жуковский: XIII, 348–349].

В дневнике поэт нарисовал картину гармонии, немислимую без ощущения окружающей человека тишины; сквозь описание ночи проступают идиллические образы элегий «Вечер», «Сельское кладбище». Жуковский приступил к чтению сочинения политического деятеля К. Л. Галлера “*Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen gegengesetzt*”. «Галлерова система, — писал Жуковский к А. Тургеневу, — <...> ставит границы заносчивости ума и возвращает должное Богу» [ПЖТ: 276]. Размышления поэта о современной истории сопряжены с поиском тех средств, которые смогли бы сохранить и утвердить земную гармонию после революционного 1830 года. Бог и Absolutismus, религия и самодержавие — это то незыблемое основание, которое, по Жуковскому, необходимо для наступления прекрасной мирной эпохи. Эта идея была близка провозглашенной в 1834 г. министром просвещения С. С. Уваровым теории официальной народности.

Итак, упоминание природной грозы 1833 г. случайно совпало на страницах дневника с историко-политическими рассуждениями поэта, что также подготовило его к трактовке грозы 30 августа 1834 г. в схожем символическом и идеологическом ключе. Создавался, таким образом, общий событийно-символический и семантический ряд, в который встраивались и происшествия 14 декабря 1825 г., риторически осмысленные в метафорах грозы/тишины.

Обращают на себя внимание те характерные образы, с помощью которых поэт передал свои мысли о дне восшествия на престол Николая I в письме к А. П. Юшковой 21 февраля 1826 г.:

И так не представляйте себе ничего вчерне. Туча прошла и разразилась в стороне; гром не упал на Россию. Наше бедствие имеет весь характер летней грозы после зноя: поля были изнурены засухой. Мы ждали дождя... тепер посмотрим, воспользуются ли

благотворением грозы, чтобы удобрить заброшенную ниву [Уткинский сборник: 98].

Жуковский не был одинок в своей трактовке. Схожим образом рассказал о своих впечатлениях другой очевидец бунта, чиновник министерства финансов Телешов: «Государь прекрасно выдержал испытание рока, и **счастливый конец грозы ужасной** был наградою за его твердость великодушною» [Телешов: 285]. М. А. Дмитриев вспомнил куплет, отразивший тревожную атмосферу присяги Николаю I в Москве:

Печален вид сего торжественного дня!
Великолепия и мрачности слиянье!
Так с черной тучею багряное сиянье
Сливает Запада заря! <...>
Что будет нового светила на восходе:
Гроза иль **тишина** [Дмитриев: 236–237].

Оппозиция «свет ↔ тьма», образы «грозы», «молнии», «туч»³ связали события 1812, 1825 и 1834 гг. в один концептуальный узел. Торжество 30 августа 1834 г. превращалось из дня памя-

³ Ср. слова Николая I, сказанные графу Ляфферонэ 20 декабря 1825 г.: «**Сквозь тучи, затемнившие на мгновение небосклон**, я имел утешение получить тысячу выражений высокой преданности и распознать любовь к отечеству, отмщающую за стыд и позор, которые горсть злодеев пытались взвести на русский народ» (цит. по: [Назаревский: 26]). Те черты, которые педалировались в описаниях торжества 1834 г., характерным образом присутствуют и в рассказе императора о втором дне своего правления: «Рано утром все было **тихо** в городе <...>. Утро было ясное; **солнце** ярко освещало бивакирующие войска <...> Часов около десяти <...> выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской» [Николай I: 67–68]. Как и Бенкендорф, Николай I также мог (осторожно предположим это) обнаружить неожиданную параллель между событиями 1825 г. и 1834 г. Реально изменившаяся 30 августа 1834 г. погода не только придала всему торжеству символический, сакрализирующий обертон, но также актуализировала памятную природную метафорику, в которой был осмыслен бунт 1825 г.

ти о победе 1812 г., признания заслуг Александра I в день триумфа Николая I.

Дмитриевская оппозиция 1825 г. «гроза иль тишина» точно передает риторiku описания праздника 1834 г.: это — символическая смена ночной грозы благословенной тишиной, или конец эпохи бунтов и начало/продолжение эпохи благоденствия. Тишина — именно ее очевидцы отметили в своих описаниях как 14 декабря, так и 30 августа.

Бутенев вспоминал декабрьские события:

Солдаты, оглашая до того воздух бессмысленными криками, издали завидев Милорадовича, **умолкли**; мало того, держав ружья у ноги, они без всякой команды, по одному уважению к заслуженному воину, сделали на караул! **Тишина между ними воцарилась как бы на смотру**; нижние чины, глядя в глаза Милорадовичу, ожидали его слова с полною, по-видимому, к нему доверенностию [Бутенев: 32].

Затем последовал выстрел Каховского, который разрушил установленную Милорадовичем гармонию.

Спустя три дня после 14 декабря Деменков закончил рассказ о столкновении лейб-гренадеров Панова и кавалерии Николая I словами: «На площади установилась на время какая-то **особая тишина**» [Деменков: 260]. «Наступила **томительная тишина, предвестница бури** и не слышно уже было выстрелов со стороны Сенатской площади», — писал другой очевидец [Фелькнер: 148]. Во время картечи, как вспоминал много лет спустя Н. А. Бестужев, «**совершенная тишина** царствовала между живыми и мертвыми» [Воспоминания Бестужевых: 45]. После подавления восстания, по словам Телешова, «**тишина самая печальная и самая беспокойная** царствовала повсюду» [Телешов: 287]⁴.

⁴ События декабря 1825 г. описывались как нарушение и восстановление тишины / привычной гармонии. Деменков писал: «13 декабря, в часу в двенадцатом вечера, возвращаясь из гостей домой и идучи по Большой Морской, заметил я какую-то **особенную, необычайную тишину** <...> предчувствие, что готовится что-то небывалое для обширной и многолюдной столицы» [Деменков:

30 августа 1834 г. в 7 часов утра пушечный залп возвестил о начале праздника. Императорская семья отправилась в Александро-Невский монастырь, а народ начал стягиваться к Дворцовой площади. И. Бутовский заметил, что «указанные для публики места наводнялись зрителями с невероятною быстротою, в порядке и **тишине безпримерной**» [Бутовский: 18]. В 11 часов после появления государя торжество открылось выходом 120-тысячного войска на Дворцовую площадь. Жуковский настаивал, что «вдруг **тишина** обратилась во что-то, не имеющего имени» [Жуковский 1902: X, 29]. Николай I объехал войска, затем настало время всеобщей молитвы с коленопреклонением, которая напомнила не только о молитве Александра I и русского войска в Париже в 1814 г., но и об очистительном молебне на Сенатской площади после казни декабристов 14 июля 1826 г. По свидетельству Дивова, «вся церемония совершилась в величайшем порядке; молитва с коленопреклонением произвела большее впечатление» [Дивов: 486]. Таким образом, молитва императора, войска, подданных на Дворцовой площади отсылала и к другому памятному событию николаевского царствования.

30 августа на площади стояло, согласно Бенкендорфу, «такое **глубокое безмолвие**, что слова молитвы можно было слышать на всех концах площади» [Бенкендорф: 555]. Ему вторил автор статьи, помещенной в «Военном журнале»: «Священный трепет объял всех: на обширном пространстве, покрытом сотнями тысяч, царствовала **глубочайшая тишина**» [Военный журнал: 149]. Жуковский также подчеркнул: «И в этой **тишине** всем слышная молитва <...>» [Жуковский 1902: X, 30]. Бутовский резюмирует всеобщее ощущение: «<...> воцарилась **торжественная тишина**» [Бутовский: 21]. Разумеется, мы имеем дело с «риторической» тишиной —

258]. О первой ночи после восстания англичанин вспоминал: «Ночью в городе царила **полная тишина**, нарушаемая лишь откликами часовых и говором солдат, гревшихся вокруг костров» [Записки англичанина: 262].

в тексте, а не на площади, где скопление многих тысяч людей не могло обеспечить беззвучия.

Молитва с коленопреклонением и отмеченная всеми «тишина» могли связать в сознании присутствовавших два события — открытие колонны и день восшествия на престол Николая I, но они же подчеркивали контраст между эпохами: закончилась «тишина самая печальная и беспокойная», настала «торжественная тишина». В сценарии торжества 1834 г. как бы трансформировались, «очищались» трагические события 1825 г., и описания праздника 30 августа создавали условный, но «правильный» вариант дня восшествия на престол Николая I.

Вспомним также, что 14 декабря в первые часы восстания некоторые очевидцы, видевшие армейские части на площадях города, не понимали смысла происходящего. По свидетельству князя А. Н. Голицына, «старика <...> находили странным, что **Государь вздумал делать развод или парад**» [Голицын: 376]. Графиня А. Д. Блудова вспомнила рассказ слуги Гаврилы:

«Говорят, большой **парад** у Исакия», — сказал он; «с утра все шли полки, а теперь пройти нельзя; что-то долго **новый Государь смотрит войска**». <...> «Ученье что-ли?» прибавил он, «стреляют». <...> Гаврила опять пришел <...>. «Матушка Анна Андреевна, — говорят, **бунт**» [Блудова: 194].

Вместе с тем И. М. Евреинова так вспоминала о поведении царя на Сенатской площади:

Ни малейшего смущения не приметно было на его лице; без всякой торопливости, **точно как на обыкновенном ученье, распоряжал он диспозициею войск** <...> [Евреинова: 213].

Вечером в городе разожгли костры, поставили караулы. Деменков писал:

Огни эти живо напоминали военное время и столь памятные нам зимние биваки 1808, 9, 12 и 13 годов; но как-то странно, даже **грустно** было видеть **все это в центре столицы и вблизи дворца**, где мы привыкли лишь к **мирным разводам и блестящим парадом** [Деменков: 266].

Итак, скопление армии в городе ассоциировалось или с бунтом 14 декабря (с атмосферой хаоса и «войны»), или с парадом (с мирной и гармоничной жизнью).

30 августа 1834 г. было организовано грандиозное военное действие, в котором приняла участие одна десятая часть от общей численности русской армии. Как мы уже упоминали, в начале торжества император объехал войска. Открытие Александровской колонны завершал церемониальный марш. Жуковский отметил, что «два часа продолжалось сие великолепное, единственное в мире зрелище» [Жуковский 1902: X, 31]. Николай I лично командовал парадом — эта деталь была особо выделена всеми очевидцами.

Формирование идеального образа императора-полководца началось уже в придворных рассказах о 14 декабря. 16 декабря 1825 г. Бенкендорф писал М. С. Воронцову:

Он <Николай> был великолепен; <...> это был император, **полководец**. <...> Одним словом, высочайшие особы показали себя достойными власти, и если бы этот род не занимал трона, его следовало бы на него возвести [Воспоминания очевидцев: 103].

В восприятии приближенных, верноподданных государь своими качествами воина доказал право на престол⁵.

Торжество 30 августа и в этом отношении составляло контраст событиям 14 декабря. Тогда отдельные полки бунтовали, и Николаю, на свой страх и риск, пришлось лично вести преобращенцев с Дворцовой площади к Сенату. Теперь вся армия была предана воле императора. По словам Жуковского, «это был не шум, не гул, не звук, но тяжкий, мерный, потрясающий

⁵ Один из авторов, описывавших торжество 30 августа 1834 г., Добелл, возвысил именно образ Николая I - воина против крамолы: «Он есть тот земной Владыко, коего Господь укрепил и возвысил, с тем, чтобы Он положил предел кровавому потоку неверия и разврата <...> Монархи Российские были избранные воины Всемогущаго, что они доблестно сражались за правое дело и торжественное стяжали крест Христов, ополчась на вольнодумство и безбожие» [Добелл: 3–4].

душу шаг, **спокойное** приближение силы, непобедимой и в то же время **покорной**» [Жуковский 1902: X, 31].

Риторика и образы, в которых был осмыслен и описан праздник 30 августа, как бы возвращали России торжественную тишину и спокойствие⁶. Открытие Александровской колонны восстановило, с точки зрения современников, нарушенный миропорядок и ход времени. Оно стало первым грандиозным николаевским торжеством, организованным к тому же после смерти в 1831 г. великого князя Константина Павловича (с мнением которого Николаю приходилось считаться в первые годы царствования).

Для современников могла быть актуальна еще одна ассоциация. Приведем интересное свидетельство Н. И. Голицыной, вспомнившей шутку императора в день коронации 22 августа 1826 г. Прекрасная погода начала портиться, «тогда Константин сказал государю: — Кажется, будет гроза. — Я ее не боюсь, — отвечал Государь, — ведь рядом ты, мой громоотвод» [Голицына: 142]. Как мы видим, «метеорологические» образы (грозы, света-тьмы) играли важную роль при осмыслении сложных отношений двух братьев, ставших причиной междоусобия и поводом к выступлению декабристов.

Праздник 30 августа, по мысли организаторов, должен был стать демонстрацией «клеветникам России» ее силы и «проверкой» верноподданнических чувств армии и народа. Торжество по случаю открытия Александровской колонны превращалось как бы в альтернативный — славный — вариант восшествия Николая на престол. Свои впечатления Жуковский резюмировал словами: «И действительно, то, что мы видели в этот чудный день, было не одно торжество кратковременное,

⁶ Ср.: генерал-лейтенант Михайловский-Данилевский писал о 14 декабря: «Когда я вступил в военную службу в 1812 году, то **гроза** висела над Россиею <...>; потом четырнадцать лет к ряду я видел Россию, торжествующую под скипетром Александра, но лишь только его не стало, как вспыхнули крамолы, <...> нельзя было воображать, чтобы в нашем отечестве **тишина** и **спокойствие** были нарушены» [Шильдер: 489].

но **все наше минувшее**, вдруг перед нами повторенное» [Жуковский 1902: X, 31].

Статья Жуковского «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.» была опубликована в «Русском инвалиде» в рубрике «Современная история» в воскресенье 9 сентября. Тем самым статья получила статус программной — манифестации идеалов и целей современного, николаевского, и будущего, александровского, царствований, т.к. 30 августа было днем тезоименитства и покойного государя Александра I, и цесаревича Александра Николаевича, совершеннолетие которого было отпраздновано на Пасху 17 апреля 1834 г.

Насколько содержание статьи Жуковского отвечало официальным интенциям — это отдельный вопрос. Поэт писал:

<...> дни боевого создания для нас миновались <...> наступило время *создания мирного* <...> период развития внутреннего, твердой законности, безмятежного приобретения всех сокровищ общежития <...> [Россия] готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствия, вверенная самодержавию <...> коего символ ныне воздвигнут перед нею царем ее в лице сего крестоносного ангела, а имя его: *Божья Правда* [Жуковский 1902: X, 31–32].

Программа Жуковского не противоречила установкам официальной доктрины «православие-самодержавие-народность». Однако оценка современной истории России у него и у круга Николая Павловича была различной.

Постоянно (в 1826, 1829, 1834 и затем в 1839, 1848 гг.) обращаясь к одному и тому же идеологическому комплексу — наступление «прекрасной эпохи», Жуковский тем самым как бы свидетельствовал, что эта эпоха *еще* не наступила, что государь по-прежнему лишь подает надежды (верить в осуществление которых поэт искренне желал).

Характерно, что в том же 1834 г. Жуковский опубликовал для узкого (придворного) круга сочинение «Черты истории государства Российского», в котором проанализировал причины разрушения древнерусского государства и сформулировал (все те же) правила для монарха и его народа, соблюдение которых должно создать будущую славу России. Попытка

опубликовать в 1836 г. этот текст для широкой публики закончилась провалом. В своем отзыве Дубельт сетовал на то, что «сочинитель статьи останавливается и, описав темные времена быта России, не хочет говорить о ее светлом времени, — жаль!» (цит. по: [Бычков: 596]). («Черты Истории» заканчивались началом татарского ига на Руси и тем самым не вписывались в картину «наступившей прекрасной эпохи»). В 1836 г., когда «все повествует нам о нынешнем благосостоянии России» [Лебедев: 23], произошла известная история вокруг первого философического письма Чаадаева.

Устроенный в 1834 г. праздник был приурочен и к 20-летней годовщине победы России над Францией, к событию, с которым связывалось представление о начале новой, мирной эпохи благоденствия⁷. Ив. Кованько уже в 1812 г. в «Оде на бегство Наполеона...» предвещал: «Но се уж близок **век златой**; / Он в наших громах зародился» [1812: I, 71]. Торжество 1834 г. призвано было символически продолжить «прекрасную эпоху», прерванную бунтом 1825 г., войнами, революционными событиями в Европе и Польше. В. Олин в книге «Картина Восьмилетия России с 1825-го по 1834-й год» радостно утверждал: «На что для других Монархов нужно было по малой мере полвека, то Великий Государь наш совершил в восемь лет». В заключение автор риторически возглашал: «<...> наконец все царствования грядущие составят для России единый беспрерывный и златой век благодатного для нас царствования Николая Павловича» [Олин: 61, 64].

Торжество 30 августа 1834 г. было призвано утвердить точку отсчета «нового времени». Жуковский искренне хотел увидеть наступление «золотого века» (вспомним балладу «Элевзинский праздник»). Но поэт понимал неосновательность такого взгляда — и продолжал, немного варьируя и дополняя, повторять Николаю I свою программу царствования, предло-

⁷ См. характерное четверостишие молодого И. С. Тургенева: «Сей памятник огромный горделивый / Благословенному поставлен был / И Николая век счастливый / Собою сам ознаменил» [Тургенев: 297].

женную еще в 1826 г. В статье «Воспоминание о торжествах 30 августа 1834 г.» Жуковский не перечислил достигнутых в николаевское царствование завоеваний, не констатировал наступления «чудного мгновенья». Авторская историософская мысль была динамична и направлена в будущее — на необходимость *продолжения* внутреннего созидания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бенкендорф: Записки графа А. Х. Бенкендорфа (1832–1837 гг.) // Шильдер Н. Император Николай Первый, его жизнь и деятельность. М., 1996. Т. 2.
- Блудова: Воспоминания графини А. Д. Блудовой // Русский архив. 1875. Кн. 1. № 2.
- Бутенев: *Житомирская С. В.* Рассказ очевидца о событиях 14 декабря 1825 г.: Воспоминания Л. П. Бутенева // Исторический архив. М., 1951. Т. VII.
- Бутовский: *Бутовский И.* Об открытии памятника Императору Александру Первому. СПб., 1834.
- Бычков: *Бычков И.* Попытка напечатать «Черты истории государства Российского» В. А. Жуковского в 1837 г. // Русская старина. 1903. № 12.
- Военный журнал: Описание открытия памятника Императору Александру Первому // Военный журнал. 1834. № 5.
- Воспоминания Бестужевых: Из записок Н. А. Бестужева. 14 декабря 1825 года // Воспоминания братьев Бестужевых / Под ред. П. Е. Щеголева. Пг., 1917.
- Воспоминания очевидцев: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999.
- Высочков: *Высочков Л.* Николай I. М., 2003.
- Голицын: Рассказы князя А. Н. Голицына. Из записок Ю. Н. Бартенева // Русский архив. 1886. № 3.
- Голицына: *Голицына Н. И.* Воспоминания // Война женскими глазами. Русская и польская аристократия о польском восстании 1830–1831 годов. М., 2005.
- Деменков: *Деменков П. М.* Четырнадцатое декабря 1825 года на Петербургских площадях: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. Записано очевидцем на третий день после происшествия // Русский архив. 1877. № 11.

- Дмитриев: *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998.
- Добелл: *Добелл.* 30 августа 1834 года, или Чувства и мысли при созерцании колонны, посвященной безсмертной памяти Императора Александра I. СПб., 1834.
- Евреинова: Выписка из письма И. М. Евреинова из С. Петербурга от 7 января 1826 г. к Н. М. Евреинову в Москву // Красный архив. 1929. Т. 5 (36).
- Жуковский: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000—....
- Жуковский 1902: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. А. С. Архангельского. СПб., 1902.
- Жуковский 1959–1960: *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. И. М. Семенко. М.; Л., 1959–1960.
- Записки англичанина: Из иностранных журналов. Записки англичанина о 14 декабря // Вестник всемирной истории. 1901. № 1.
- Киселева: *Киселева Л. Н.* Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде 1999. Мат. и исслед. М., 2001.
- Лебедев: *Лебедев <sic!>*. Правда русского гражданина. СПб., 1836.
- Мильчина: *Мильчина В. А.* Открытие Александровской колонны глазами французского дипломата: символика мира или войны? // The Real Life of Pierre Delalande. Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin. Part 2. Stanford, 2007. (Stanford Slavic Studies 34).
- Назаревский: *Назаревский В. В.* Царствование императора Николая I. М., 1910.
- Никитин: *Никитин Н. П.* Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л., 1939.
- Николай I: Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000.
- Олин: *Олин В.* Картина Восьмилетия России с 1825-го по 1834-й год. СПб., 1833.
- Осват: *Осват А. Л., Тименчик Р. Д.* «Печальну повесть сохранить...». М., 1987. Ч. 1.
- ПЖТ: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу // Русский архив. 1895.
- Поднебесный: *Поднебесный М.* На сооружение памятника Александру Благословенному // Русский инвалид. 1834. № 219.
- Проскурин: *Проскурин О. А.* Поэзия Пушкина, или Подвижный Палимпсест. М., 1999.

- Ротач: *Ротач А. Л.* Александровская колонна. Л., 1966.
- 1812: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: В 2 ч. М., 1814.
- Таракановский: *Таракановский Г.* «Александрю 1 благодарная Россия»: К 165-летию со дня торжественного открытия Александровской колонны // Нева. 1998. № 4.
- Телешов: Рассказ И. Я. Телешева о 14 декабря 1825 г. // Красный архив. 1925. Т. 13.
- Тургенев: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1978. Т. 1.
- Уортман: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1.
- Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер, Е. А. Протасовой (Уткинский сборник) / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
- Фелькнер: *Фелькнер В. И.* 14 декабря 1825 года // Русская старина. 1870. № 8.
- Чешихин: *Чешихин Вс.* Жуковский как переводчик Шиллера. Рига, 1895.
- Шильдер 1890: *Шильдер Н. К.* Вступление на престол Императора Николая I в записках ген.-лейт. Михайловского-Данилевского // Русская старина. 1890. № 11.
- Schiller: *Schiller F.* Werke in drei Bänden. Leipzig, 1958. Bd. 2.